

одна изъ самыхъ первыхъ задачъ историка; она слѣдуетъ непосредственно за вопросомъ о вліяніи географическихъ или мѣстныхъ условій на бытъ и исторію народа“. Но не совсѣмъ одно и то же распознать породы на мѣстахъ ихъ первоначальнаго пребыванія и уловить постоянныя черты нравственной фizioноміи народа, которыя проявились въ движеніи событій, въ исторіи. Первое есть дѣло исторической антропологіи, второе — исторической психологіи. Сливать ихъ въ одно, значить смѣшивать природу и исторію... Есть цѣлые народы, которымъ, кажется, суждено жить и умереть съ тѣми свойствами, съ какими исторія узнала ихъ впервые. Здѣсь ясна историческая основа, созданная вліяніемъ природы; но какъ скоро подъ тѣми или другими опредѣленіями установилась порода и ея индивидуальный характеръ, внѣшнее вліяніе перестаетъ быть значительнымъ и производить развѣ только случайныя переменны. Мѣсто природы заступаетъ исторія; въ исторической жизни народа ни одно великое событіе не проходитъ для него даромъ; каждая форма и каждая фаза въ развитіи оставляютъ свой глубокий слѣдъ не только въ воображеніи народа, но и въ самыхъ его наклонностяхъ и нравахъ. Такимъ образомъ, чѣмъ дальше отъ колыбели народа, тѣмъ болѣе проступаетъ на его нравственномъ обликѣ историческое вліяніе, нарастающее на первой основѣ.

Изученіе этого нравственнаго облика народовъ, созданнаго подъ вліяніемъ исторіи, и составляло въ глазахъ Кудрявцева предметъ, особенно достойный современныхъ историковъ. Эта задача становилась для него исходнымъ пунктомъ для совершенно новой отрасли исторіографическаго искусства. Онъ находилъ, что искусство создавать полныя и отчетливыя индивидуальныя образы, доведенное до совершенства Тацитомъ, довольно уже усвоено историками новаго времени. „Наше время, благодаря успѣхамъ наблюденія и знанія, вообще поняло, наконецъ, возможность проявленія индивидуальности въ цѣлыхъ народностяхъ, отдѣльно взятыхъ, съ чертами, столько же неизмѣнными и постоянными, какъ и тѣ, которыя составляютъ основу личнаго характера“... „Не дѣло ли современнаго искусства, — спрашивалъ поэтому Кудрявцевъ, — прослѣдить эти индивидуальныя черты, принадлежащія цѣлымъ народностямъ въ постепенномъ движеніи событій ихъ исторіи и потомъ собрать ихъ въ одномъ болѣе или менѣе художественномъ изображеніи?“

Онъ утверждалъ, что при этомъ воображаетъ себѣ не мечтательный идеалъ, но избѣтъ въ виду дѣйствительные образцы. Два года спустя онъ и самъ сдѣлалъ попытку соединить въ